

М. Булгаков— «ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН»

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 МАЯ, — ПЯТНИЦА, 18 МАЯ (кроме среды);
1 ПРОГРАММА, 13.10;
РО-4—13.10; РО-3—9.15; РО-2—7.15; РО-1—6.15

Знаете, что такое Булгаков? Разумеется, один из множества Булгаковых. Это — вольный, до головокружения, полет рассказчика. Вот взмах крыла: «Предупреждаю читателя, что к сочинению этих записок я не имею никакого отношения и достались они мне...» Вот свист перьев и отрыв от земли: «...Сообщаю читателю, что самоубийца никакого отношения ни к драматургии, ни к театрам никогда в жизни не имел, оставаясь тем, чем и был, маленьким сотрудником газеты «Вестник пароходства»... Вот уже столичный город с табакерку, а высота такая, что сразу и Москву видать и Киев; а надобно, а хочется еще выше: «Таким образом, записки Максудова представляют собой плод его фантазии, и фантазии, увы, больной...»

И ты, читатель, уже летишь, хоть никогда не пробовал. Уже так интересно! Уже в Максудове проглядывает весь автор, а в мельком об-

роненном названии «Вестник пароходства» угадывается газета «Гудок», где Булгаков превращался в Булгакова, еще резвясь в фельетонном ампула.

Дальше—больше. Его роман, о котором речь в начале «Театрального романа», гениально перекроенный в пьесу,— тоже угадывается сразу. И припорошенные фамилии, связанные с этим неподражаемым Независимым театром, впрочем, как и сам театр, легко подтверждаются жизненными прототипами.

И уже театр — не театр. Станиславский — не просто Станиславский, а жизнь «с ощущью места и времени». И позже, когда перед удивленным взором последняя страница недописанного «Театрального романа» и когда в лицо и грудь снова тугой ветер приземления, — опять театр как символ жизни человека: «И играть так, чтобы зритель забыл, что перед ним сцена...» И дата под

недописанным, недосказанным: 1936—1937... Время начала и время конца.

«Театральный роман» как бы пестрит «многозначием». И не потому, что это записки, как бы экспромт, перебивка мыслей и сцен. Булгаков, верный чеховской определенности и простоте, не жаловал ужимок недомолвки или намека. Да, он был реалист даже через это свое голевеско-гофмановское сатирическое. И правду резал в глаза. И все-таки «многозначия» романа, «подтекст» не

только от Булгакова — от времени, от эпохи, от контрастных цветов ее, оттого, что одни ликовали, а другие ликовали. Ведь как просто скажешь о том, что культ личности мерзость из мерзостей и что кто всех выше, тот и ничтожней всех (Библия, страница такая-то). Как скажешь, что крупный талант и высокие принципы большого искусства неминуемо ударяются в стену человеческой зависти, непонимания и страшного чувства всеподавляющей стадности. Ведь разве Булгаков жег талант для того, чтобы объяснить, посмеиваясь или плача, как удачно или неудачно, как смешно или трагически складывались у него отношения с Художественным театром... Об этом достало бы бесстрастных мемуаров. И не охватывает этот роман театра, не остроумная сатира на него, а боль человека, беззаветно театр любившего, но истинный, а не жупельный театр.

От «Театрального романа» через ветерок сатирической насмешки уже веяло скорой грядущей трагедией. Булгаков предчувствовал ее собственной судьбой.

Новая запись романа — подарок слушателю в эти наши дни надежды. Читает Ю. Яковлев.

В. ГУСАРОВ